

Вэнь Ян мрачно посмотрел на Юй Синши. Тот понял, что то, что он сказал, не удовлетворило его, и его голос понизился: «Господин Вэнь сказал мне не действовать без разрешения».

Цяо Хаотянь обнаружил, что Вэнь Ян не напал на него, а вместо этого гневно ругает Юй Синшину, чувство страха в его сердце переродилось в гордость. Глядя на унижительное положение Юй Синши, он полностью опух: «Господин Вэнь, все в порядке. Я преподавал урок вашей собаке».

«Правда?» Вэнь Янь не ответил ему. Он продолжал смотреть на Юй Синши и спросил его: «Тебе преподали урок?»

Юй Синши не знал, что он имел в виду, но почувствовал себя обиженным и опустил голову, не говоря ни слова.

«Тогда чего ты ждешь?» Вэнь Ян посмотрел на него снисходительно. Он понизил голос и протянул руку, чтобы коснуться щеки Юй Синши, мокрой от вина. «Тебя укусила дикая собака, и ты просто сидишь и ждешь. Ты хочешь позволить ему уйти. Разве ты не должен укусить его в ответ?»

Юй Синши на мгновение был ошеломлен, а затем внезапно поднял голову.

«Давай, — Вэнь Ян сел на диван. — Споры между щенками должны решать сами щенки. Мэн Ван, ты не против? Если не возражаешь, просто помоги и закрой дверь.»

«...»

Мэн Ван на секунду был ошеломлен, а затем решительно закрыла дверь в отдельную комнату.

Она давно не любила Цао Хаотяня и хотела дать ему пощечину, но сдерживала себя, потому что они были однокурсниками. Однако он не только не оценил этого, но даже устроил сцену на вечеринке по случаю ее дня рождения.

Хотя у нее хороший характер, она не готова это терпеть.

Хорошо изолированная дверь была плотно закрыта, и блокировала все звуки. Независимо от того, рыдали ли люди внутри, как призраки, убитые горем, посторонние этого не услышат.

Этот шаг заставил Цао Хаотяня мгновенно что-то осознать, и его лицо побледнело. Он поспешно сказал Вэнь Яну: «Нет, нет! Господин Вэнь, это недопонимание, просто недопонимание! Я только что пошутил с Синши. Я слишком много выпил, нет.... Я был не осторожен, и пролил на него вино! Ты... они все это видели, да?!»

Он в панике посмотрел на окружающих, надеясь, что кто-нибудь поможет ему сгладить ситуацию, но все присутствующие молчали. Никто не выступил вперед, в том числе друзья, у которых были с ним хорошие отношения.

Все знали, что Вэнь Ян злится. Попытка встать у него на пути в это время была равносильна поиску смерти. Никто в здравом уме не сделал бы этого.

Кто-то даже заговорил, защищая Юй Синши: «Я видел это, я видел это очень ясно. Юй Синши вообще не обращал на тебя внимания. Это ты искал неприятностей. Ты настаивал на том, чтобы заставить его пить. Он не пил, ты его обругал и даже нарочно вылил на него вино».

Кто-то добавил: «Помните, когда он учился в колледже, он больше походил на подлизывающуюся собаку, а сегодня расхрабрился, верно?»

Лицо Цяо Хаотяня побледнело до синевы. Видя, что никто ему не помогает, он исполнил "мужественный мужчина может сгибаться, но не ломаться". Он решительно сдался и молил о пощаде: «Мне очень жаль! Я был неправ, господин Вэнь! Я действительно слишком много выпил и действовал импульсивно. Я прошу прощения, я прошу прощения у Юй Синши!»

Вэнь Янь равнодушно посмотрел на него.

Юй Синши шаг за шагом приближался к Цяо Хаотяню. Тот отступал, указывая на него бутылкой вина в руке, и крича: «Что, что ты собираешься делать?! Иди отсюда!»

Юй Синши выхватил бутылку вина из его рук и высоко поднял над его головой, словно собираясь облить его, как он раньше.

Цяо Хаотянь был так напуган, что потерял равновесие и упал на пол. Он инстинктивно закрыл голову руками, но поднятая бутылка вина не перевернулась. Он замер на некоторое время и снова посмотрел на молодого человека.

Он увидел, как Юй Синши осторожно поставил бутылку вина обратно на стол, а затем пошевелил запястьем: «Господин Вэнь не любит видеть кровь. Не волнуйся, я не избью тебя до потери сознания».

Зрачки Хаотяня расширились. «Что... ах!»

Парень, который только что требовал, чтобы Юй Синши ударил его, получил то, что хотел. Его подняли, а потом легко сбили на пол, и кулак приземлился на плоть, раздался тупой удар. Глухие звуки продолжались, смешанные с болезненными криками Цяо Хаотяня.

Юй Синши не бил его по лицу, а только по местам, закрытых одежды. Пока не было крови, и никаких видимых ран.

Вэнь Ян облокотился на диван и смотрел на него прищуренными глазами.

Откуда Юй Синши знает, что ему не нравится видеть кровь?

Цао Хаотянь катался по полу от боли. Впервые он осознал, что кулак, ударивший, может быть настолько болезненным. Он продолжал кричать и молить о пощаде, но никто из присутствующих не помог ему. Они не хотели или боялись.

Некоторые люди, которые не могли видеть эту сцену, уже спрятались в ванной. В отдельной комнате воцарилась тишина, и даже музыка прекратилась, оставив только непрерывно раздававшиеся крики.

Цао Хаотянь был избит до слез и чуть не потерял сознание, но Юй Синши наконец остановился и потащил его к Вэнь Яну, как дохлую собаку.

Вэнь Ян посмотрел на человека, лежащего у его ног, небрежно поднял брови и нежно поддразнил лицо Цао Хаотяня носком ботинка: «Преподавал урок моей собаке, а? Как ты думаешь, кто ты?»

«Я... я был неправ...» Цао Хаотянь не мог ясно говорить, и у него потекла слюна. Он выглядел таким смущенным: «Юй Синши не собака, я собака, я собака. ...»

«Нет, это не так. Ты говоришь неправильно», — Вэнь Янь наступил ему на лицо кожаным ботинком и с силой нажал. «Юй Синши — моя собака. Ты ошибаешься, потому что думаешь, что был прав «преподав ему урок»? Я позволял тебе это делать?»

Он слегка наклонился, с неряшливой и злой улыбкой: «Собаки, которых я держу, могут быть наказаны только мной, ты понимаешь?»

Цао Хаотянь был растоптан. Он не потерял дар речи, и его слюна и слезы капали на пол.

Видя, что он едва может дышать, Вэнь Ян, наконец, переключил внимание, он взял с журнального столика бутылку вина и взглянул на этикетку: «Тебе нравится пить, не так ли? Тогда выпей побольше.»

Когда он протянул вино Юй Синши, то сразу все понял. Он открыл крышку бутылки, одной рукой поднял Цао Хаотяня с пола, и засунул горлышко ему в рот.

Цао Хаотянь от ужаса широко раскрыл глаза, тщетно борясь, он скулил. Потом поперхнулся вином и закашлялся до смерти.

Юй Синши насильно влил ему целую бутылку иностранного вина, и его глаза уже были

наполнены звездами: «Я был неправ...»

Прежде чем он успел закончить свои слова, он выпил вторую бутылку вина.

Все беспомощно наблюдали, как его избивали до тех пор, пока он был способен сопротивляться. Они чувствовали глубокий холод в своих сердцах.

Если так будет продолжаться, этот человек действительно умрут.

Вэнь Ян, который приказал применить это наказание, просто сидел, сам вообще ничего не делал, ему было настолько скучно, что он почти заснул и медленно зевнул.

В это время все вспомнили, каким человеком был Вэнь Ян раньше. Высокомерный и властный Молодой Мастер Вэнь, никто в кругу не осмелился его обидеть. Только, когда они с Юй Цзянем стали жить вместе, он стал сдерживать себя. Все эти годы он был мирным и довольным, почти, как хороший парень.

Из-за этого люди стали забывать, какой он на самом деле, что заставило Цао Хаотяня быть таким смелым.

Увидев Цао Хаотяня, который теперь был настолько пьян, все присутствующие не осмелились ничего говорить, опасаясь попасть в беду. Они даже почувствовали, что старый Вэнь Ян вернулся. Даже Мэн Ван не решалась убедить его не делать этого.

Наконец, Вэнь Ян проявил немного доброты, которой у него никогда не было десять лет назад. Он достал свой мобильный телефон, набрал номер и что-то сказал, а затем перевел взгляд, на находившегося без сознания Цао Хаотяню: «Не волнуйся. Я позвонил и вызвал скорую помощь для тебя. Ты же должен знать, что сказать, когда там окажешься, верно?»

Эти слова, казалось, были адресованы Цао Хаотяню, но упавшему в обморок человеку было невозможно их услышать, и остальные мгновенно поняли, что это Вэнь Ян предупредил их.

В отдельной комнате не было камер, а фраза «Он слишком много выпил на вечеринке и отравился алкоголем» не была новостью, способной привлечь чье-либо внимание.

Что касается самого Цао Хаотяня, то он, вероятно, не осмелился бы сказать правду. В конце концов, это была его собственная вина.

«Хорошо, — Вэнь Ян встал, стряхнул несуществующую пыль с рукавов и помахал Ю Синши, — уже поздно, пора ехать домой».